
ТРАНСФОРМИРУЯ ПРОСТРАНСТВО РАЗЛИЧИЙ. ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ГЕРМАНИИ

С. В. Творогова

В работе рассматривается развитие немецкой интеграционной политики. Страна – европейский лидер по численности мигрантов – долгое время не признавала особенности их статуса и необходимости проводить специальную политику по отношению к ним. Дана общая характеристика мигрантских сообществ, проживающих в Германии, показаны меры по регулированию их притока, принятые с начала 2000-х годов. Подробно обсуждаются основные вопросы, вокруг которых строится политика интеграции, особое внимание уделено проблемам образования мигрантов и закрытости сообществ ряда этнокультурных меньшинств. Продемонстрированы конкретные направления и формы применения интеграционной политики на региональном и национальном уровнях. Делаются выводы о возможности оценить эффективность рассмотренной политики. Немецкий опыт показан с учетом возможности его применения в российских условиях, сформулированы рекомендации, призванные облегчить формирование принципов российской политики в отношении мигрантов.

Ключевые слова: Германия, мигранты, интеграция, этнические меньшинства

Глобальные миграционные потоки – естественная часть жизни экономически успешных государств. Как бывшее ядро империи с многовековой историей, как экономически динамичная страна Россия также является потенциально привлекательным местом для глобальных мигрантов. Региональное неравенство внутри страны способствует усилению миграционных потоков из депрессивных в динамичные регионы. Размеры страны, различия исторических условий развития ее территорий, многообразие культурных, этнических, религиозных групп, проживающих в России, часто способствуют

тому, чтобы и внутренняя миграция могла представлять собой социальную проблему.

Разные события последних лет демонстрируют усиление межнациональной напряженности на всей территории Российской Федерации – как в мегаполисах, так и в небольших провинциальных городах зафиксированы самые разные проявления нетерпимости и агрессии по отношению к представителям этнических меньшинств. Многонациональный состав российского государства, ориентация на занятие лидирующего положения в глобальном сообществе, активная роль в международной политике, задачи устойчивого развития страны, наконец, общие гуманистические и этические соображения требуют специальных мер по преодолению межэтнической напряженности, а потому делают актуальными активизацию политики интеграции мигрантов.

Большие группы мигрантов с отличной от местного населения культурой – распространенная проблема в Германии, которую выходцы из менее развитых стран оценивают как одно из наиболее привлекательных направлений для переезда. Между этническими группами и принимающим обществом могут складываться различные отношения: от изоляции, маргинализации и эксклюзии до полной ассимиляции [Berry et al., 2002. P. 354]. В данной работе рассматриваются усилия со стороны принимающего общества, направленные на содействие интеграции мигрантов, а также создание условий для максимально полного использования их потенциала – именно эти задачи являются основными для успешной интеграционной политики.

Германия в настоящее время находится в активном поиске оптимальных форм взаимодействия с некоренными жителями страны – как будет показано далее, целенаправленная интеграционная политика начала формироваться в стране совсем недавно. Как любая давно назревшая и долго не решавшаяся проблема, отношение к мигрантам вызывает много споров. Власти разных уровней вынуждены балансировать между сохраняющимися потребностями в иностранной рабочей силе, особенно квалифицированных специалистов, с одной стороны, и необходимостью выстраивать межэтнические отношения в национальном государстве, с другой стороны. Некоторое время основой интеграции рассматривалась политика мультикультурализма – взаимного принятия разных культур, но в условиях экономического кризиса недостаточное знание языка или нехватка признанных образовательных квалификаций приводят к резкому росту безработицы среди мигрантов (см. об этом ниже), что привело к смене ориентиров миграционной политики¹. Задача данной

¹ В октябре 2010 года федеральный канцлер Германии А. Меркель назвала провалившейся политику мультикультурализма и подчеркнула необходимость изучения мигрантами немецкого языка, приобретения востребованных на рынке труда образовательных

работы – рассмотреть основные элементы современной политики интеграции в Германии. Как будет показано далее, несмотря на весьма длительную историю проживания в Германии больших групп населения, рожденных за пределами страны и не проходивших в ней социализацию, целенаправленная политика интеграции была сформирована совсем недавно. Отсутствие большого опыта не позволяет говорить об эффективности этой политики в строгом смысле слова – слишком невелик временной горизонт для того, чтобы однозначно оценить последствия мер, принятых и реализуемых на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Вместе с тем использованный в Германии подход к решению этой сложной и острой проблемы представляется весьма интересным, и потому разобран в тексте достаточно подробно. Знакомство с историей развития проблемы миграции в Германии и подходами к ее решению позволит лучше понять, что представляет собой политика интеграции, и какие ее элементы могут оказаться целесообразными для использования в российской практике работы с мигрантами.

Этнокультурные меньшинства в Германии

Два миграционных потока: трудовая миграция (ответ на немецкие программы привлечения временных работников для определенных отраслей экономики) и культурно-историческая миграция (в основном – переезд этнических немцев) – образуют две основные категории мигрантов в Германии.

Германия долгое время была страной, откуда активно уезжали: в России знают немцев, приглашенных Екатериной II, выходцы из Германии составляли значительную долю прибывавших в США вплоть до начала Великой депрессии, и лишь после Второй мировой войны, когда экономика Европы находилась в очень тяжелом состоянии, а немецкая экономика начала демонстрировать бурный рост, ситуация изменилась. Нехватка рабочей силы для динамично развивающегося народного хозяйства ФРГ подтолкнула правительство страны к подписанию двустороннего соглашения с рядом государств о возможностях привлечения временных работников

квалификаций и более активной интеграции в немецкое общество со стороны самих мигрантов. Этому заявлению предшествовала публикация вызвавшей большой резонанс книги высокопоставленного федерального чиновника Т. Саррацина (Sargazin), позже отправленного в отставку, с резкими высказываниями в адрес проживающих в Германии этнических меньшинств. См. освещение проблемы в средствах массовой информации, например, в новостях и комментариях британской телерадиокомпании ВВС (<http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-11559451>), британской газеты Гардиан (<http://www.guardian.co.uk/world/2010/oct/17/angela-merkel-german-multiculturalism-failed>), сообщениях новостного агентства Рейтер (<http://www.reuters.com/article/2010/10/16/us-germany-merkel-immigration-idUSTRE69F1K320101016>).

для немецких компаний, и начиная с середины 1950-х годов Германия становится страной, принимающей иностранцев. Бум трудовой миграции пришелся на середину 1970-х годов, когда число занятых в экономике мигрантов достигло рекордного уровня 2,6 млн человек [Germany, 2007. P. 2]. Давление работодателей, заинтересованных в снижении издержек на обучение, а потому в сохранении уже работающих мигрантов, привело к отказу от модели временного найма и превращению мигрантов в элемент экономической и социальной жизни Германии.

Помимо трудовой миграции, в страну прибывали лица, ищущие политического убежища, а также этнические немцы, для которых исторически был установлен льготный режим миграции и возможность получения немецкого гражданства по этническому признаку. Это правило было введено в конце 1940-х годов, чтобы помочь этническим немцам избежать гонений в других странах в послевоенный период [Dietz, 2000]. Миграционный приток этой категории усилился с середины 1980-х годов, когда в ФРГ стали активно переезжать сначала немцы из стран Восточной Европы (преимущественно Румынии и Польши), а затем – из стран бывшего СССР. За период с 1988 по 2005 годы таким способом в Германию въехало 3 млн человек [Germany, 2007. P. 2].

Мигранты помогают немецкому обществу решить целый ряд задач. Без них «немецкое чудо» послевоенных лет было бы невозможным – исследователи сходятся во мнении о том, что именно мигранты обеспечивали высокие темпы роста немецкой экономики, способствуя тем самым снижению общего уровня безработицы и повышению уровня доходов [Der Einfluss... 2005. S. 32]. Мигранты призваны компенсировать нехватку специалистов определенных категорий – например, для квалифицированных специалистов в области информационных технологий в 2000 году была введена специальная программа, облегчающая их проезд в страну [Ibid. S. 36–37]. Приезжие из-за рубежа способствуют улучшению общей демографической ситуации: почти 2/3 мигрантов, прибывших в страну в 2006 году, были не старше 40 лет, тогда как доля аналогичной возрастной группы (18–40 лет) населения страны меньше 1/3 – 27,9 % [Schimany, 2008. S. 71]. Если в стране в целом высока доля пожилых людей (19,8 % населения старше 65 лет), то среди прибывавших в страну к этой категории относятся только 2,1 % [Schimany, 2008. S. 71].

До недавнего времени изучение положения мигрантов в стране затрудняли сложности с определением их статуса – к рассматриваемой группе относились как граждане, так и «не-граждане» Германии, что затрудняло выработку согласованной политики в отношении формально разных категорий, имеющих схожие проблемы. Введенное в 2005 году определение Немецкого федерального статистического агентства позволило выявить численность рассматриваемой категории: для упрощения теперь используется формулировка «лица с миграционным прошлым».

По данным микропереписи 2005 года, к таковым относились 15,3 млн человека, то есть приблизительно 18,5 % населения [Statistisches Bundesamt, 2006. S. 75].

Можно утверждать, что до середины 2000-х годов не предпринималось целенаправленных усилий по изучению и регулированию притока мигрантов в Германию¹. Иными словами, сама проблема не рассматривалась как таковая, так как отсутствовали данные о ее масштабах, формах и проявлениях, что затрудняло как выработку политических решений, так и последующую оценку их эффективности. Без соответствующей исследовательской поддержки меры по решению проблемы могут оказаться неэффективными, потому что неочевидно, с чем именно необходимо бороться. Искать пути решения проблемы и оценивать целесообразность применения разных способов и инструментов можно только после того, как определено, с чем именно мы хотим бороться, какую проблему стремимся преодолеть или хотя бы смягчить.

Регулирование притока мигрантов

До начала 1990-х годов вопрос интеграции мигрантов не становился предметом специальных обсуждений, но усиление притока таковых сделало тему актуальной – были предприняты меры, ограничивающие доступ мигрантов. Германия оставалась привлекательной для беженцев (440 тыс. обращений только в 1992 году) – в 1993 году введено ужесточение режима получения политического убежища [Germany, 2007. P. 4]. Как было показано выше, с конца 1980-х годов увеличивался приток этнических немцев – возможности беспрепятственного переезда этой категории были законодательно ограничены во второй половине 1990-х годов введением системы квот и требований по знанию немецкого языка как заявителями, так и членами их семей (с 2005 года). Таким образом, на уровне регулирующих мер стал активно ограничиваться приток мигрантов в страну, при этом ограничения были направлены на отбор тех кандидатов на въезд, которые обладают высоким потенциалом для последующей интеграции, особое внимание уделялось знанию языка.

Так, при разработке новой процедуры для еврейской миграции из стран бывшего Советского Союза (2005 год) были использованы следующие параметры: владение немецким языком, уровень квалификации и профессиональный опыт, востребованные на немецком рынке труда, а также возраст [Ibid. P. 6]. Именно эти показатели рассматриваются как основа для прогноза успешной интеграции потенциальных мигрантов в немецкое общество.

¹ О дефиците информации об эффектах миграционной и интеграционной политик в Германии см., в частности, указанную выше работу: [Der Einfluss... 2005].

Интересно, что в официальных документах Германия долгое время не рассматривала себя как страну, куда приезжают мигранты, то есть страну, перед которой стоят задачи интеграции этнокультурных меньшинств. Это при том, что из всех стран Европейского Союза именно на Германию приходится самая высокая доля проживающих в стране иностранных граждан. Если в целом таковых в 2005 году в ЕС-25¹ проживало около 25 млн человек, то есть 5,5 % от общей численности населения [Schimany, 2008. S. 85], то в Германии в первой половине 2000-х годов таковых насчитывалось примерно 6,7 млн человек, или 8,3 % населения [Babka von Gostomski, 2010. S. 26]. В 2005 году в Германии было зарегистрировано 707 352 прибывших на длительное проживание в страну иностранца – это по-прежнему самое высокое значение в Европе [Schimany, 2008. S. 87].

Состав немецких иммигрантов весьма пестрый. В 2008 году в Германии проживало 6,7 млн человек иностранных граждан², из них 25 % турки (около 1,7 млн человек³, 14 % – граждане бывшей Югославии (930 тыс.), 8 % – Италии (около 500 тыс.), 6 % – Польши (около 390 тыс.), 4 % – Греции (300 тыс.), 43 % – прочих стран [Babka von Gostomski, 2010. S. 27–28, 37]. Можно отметить рост числа польских граждан в Германии, наблюдающийся с 1980-х годов, и постепенное снижение числа граждан Турции и бывшей Югославии, заметное в 2000-е годы [Ibid. S. 27–28, 31].

Усиление ограничений по приему мигрантов и беженцев снижает миграционную нагрузку на Германию. При этом внутри Европейского союза все активнее проявляются новые страны притяжения мигрантов – в качестве «ворот в Европу» все чаще выступают Испания и Италия (см., например, недавние дискуссии об африканских беженцах в контексте ливийских событий), по-прежнему сохраняет свою притягательность Великобритания [Schimany, 2008. S. 87–88].

Важно обратить внимание на то, что в явном виде цель содействия интеграции иммигрантов была законодательно оформлена в Германии лишь в 2005 году. Именно в прошедшее десятилетие регулирование миграционных потоков и специальные усилия по дальнейшей интеграции мигрантов стали значимыми направлениями внутренней политики Германии: в 2000 году было трансформировано законодательство о гражданстве,

¹ В настоящее время в Европейский Союз входит 27 стран, последнее расширение произошло за счет Болгарии и Румынии в 2007 году. С 2004 по 2007 годы в ЕС входило 25 стран.

² Здесь и далее, за исключением оговоренных случаев, мы рассматриваем именно иностранных граждан, проживающих в Германии, а не всех лиц с миграционным прошлым, из-за дефицита информации по категории в целом. Подобный фокус представляется достаточным с учетом основной цели статьи – анализа мер по интеграции мигрантов. Для ее достижения необходимо понять основные проблемы, которые должна решать политика интеграции.

³ См. также: [Sen, 2003. P. 209].

в 2005 году был принят Закон об иммиграции, и в 2007 году – Национальный план интеграции, включающий в себя набор мер по интеграции мигрантов и их потомков.

Обсуждение эффективности интеграционных мер необходимо вести с учетом временных горизонтов: если Национальному плану интеграции нет еще пяти лет, можно ли говорить о его неэффективности? Ведь он фокусируется на работе с людьми, причем со сложными социальными группами, а решить социальную проблему в короткий срок невозможно – это требует упорства и времени.

Вероятно, скепсис, высказываемый в адрес интеграционных инициатив в настоящее время, отражает общее состояние в обществе. В период кризиса идея поиска виноватых всегда популярна, и проще всего считать, что во всех бедах виноваты «чужие». В период экономических сложностей ярче, заметнее становится ситуация неопределенности, сложившаяся в обществе – непонятно, в частности, считать ли мусульман, родившихся и выросших в Германии, «немцами» или «мигрантами», каким образом определять, кто является «местным», что вкладывается в это понятие и для чего это важно. Это совсем нетривиальные вопросы, потому что большинство европейских государств формировалось именно как национальные государства, но XX век с массовой миграцией, с одной стороны, и интеграционными процессами в Европе, с другой стороны, внес значительные изменения в мироустройство большинства экономически активных европейских стран, что необходимо учитывать при определении стратегии их дальнейшего развития.

Предпосылки развития политики интеграции

«Звали рабочую силу, приехали люди» (*Wir riefen Arbeitskräfte, aber es kamen Menschen*), – писал Макс Фриш. Иными словами, как элементы социальной системы люди привезли с собой определенные ожидания относительно того, как устроен мир вокруг, систему норм повседневного взаимодействия, свои знания и опыт. И все это может существенно отличаться от того, к чему привыкли в их новом месте жительства. Подобная ситуация содержит в себе предпосылки конфликта: каждая сторона рассматривает ситуацию через призму привычных ожиданий, и если все разнообразные этнические группы, живущие в Германии, будут настаивать на единственности своей точки зрения, то возникает серьезная угроза конфликта.

Для конфликта между различными этническими группами есть и экономические предпосылки. Структурные изменения на рынке труда привели к значительному сокращению числа рабочих мест, ранее традиционно занимавшихся мигрантами. К концу 1990-х годов академические исследования продемонстрировали серьезные сложности, с которыми сталкивались вновь прибывшие в страну. Даже упрощенная процедура

получения немецкого гражданства не позволяла этническим немцам или евреям, также имевшим благоприятный режим въезда в Германию, полноценно включаться в экономическую жизнь страны [Bauer, Zimmermann, 1997; Greif et al., 1999]. Например, 48 % трудоспособных еврейских мигрантов из стран бывшего СССР не имели работы, то есть уровень безработицы в этой группе в четыре раза превышал аналогичный показатель для Германии в целом [Schoeps et al., 1999. S. 66].

Сравнение уровней безработицы среди коренного населения и мигрантов в крупных городах также подтверждает проблемность ситуации: в Берлине традиционно высок уровень безработицы, но для немцев в 2006 году он составлял 17,7 %, а для мигрантов – 41,9 %. Мюнхен, напротив, славится хорошей ситуацией на рынке труда, но и тут уровень безработицы среди мигрантов более чем в два раза превышает показатели для местного населения (в 2006 году – 16 % и 6,8 % соответственно) [Integration policy, 2008. P. 3].

Чем объясняется такая ситуация? Нежеланием работодателей принимать мигрантов на работу? Нежеланием мигрантов работать? Их неумением или неспособностью выполнять ту работу, которая предлагается на рынке труда? Вероятно, комплекс различных причин может объяснить наблюдаемые сложности. Данные исследований, посвященных разным аспектам жизни иностранцев в Германии и лиц с миграционным прошлым, позволяют выделить две категории возможных объяснений¹: во-первых, образование в широком смысле слова; во-вторых, правила и нормы, поддерживаемые на уровне микрогрупп, в которые включены мигранты (семья, друзья, круг общения, образцы поведения, черпаемые из СМИ). Рассмотрим эти объяснительные схемы подробнее.

Образование – барьер на пути интеграции?

Одно из первых объяснений различного положения местных и приезжих на рынке труда, которое можно предложить, – дефицит востребованных компетенций, ставший заметным с изменением структуры рынка труда. Действительно, по формальным показателям иммигранты довольно уязвимы: средний уровень их образования – минимальная обязательная школьная программа или неполное среднее образование (таковой имеют около 60 % итальянцев, турок и выходцев из бывшей Югославии, 50 % греков, около 40 % поляков)², полная средняя школа

¹ См., например, разнообразные исследовательские и аналитические публикации Федерального ведомства по вопросам миграции и беженцев: <http://www.bamf.de/DE/Infothek/Publikationen/publikationen-node.html>.

² В немецкой системе статистического учета, описывающей уровни образования населения, этот уровень обозначен как *Pflichtschulabschluss*, *Haupt-/(Volks)schulabschluss*, то есть обязательное среднее, в т. ч. выпускники восьмилетней народной школы.

за плечами примерно 20 % всех категорий; среднее специальное образование реже всего встречается у турок – 10 % и итальянцев – 12 %, значительно чаще этот уровень имеют поляки – 40 % [Babka von Gostomski, 2010. S. 82], что может быть связано с особенностями образовательных систем разных стран. Более половины иностранцев («неграждан»), проживающих в Германии, не проходили через немецкую систему профессионального образования [Ibid. S. 95–96]; большинство (58–84 % выходцев из разных стран) не получило профессионального образования и в стране своего происхождения [Ibid. S. 97–98]. Отсутствие профессионального образования повышает риск безработицы: изначально работники с низким уровнем образования могут претендовать только на низкоквалифицированные рабочие места, но именно такие места в первую очередь сокращаются в «информационной» или «сервисной» экономике.

Существует ли для мигрантов возможность повысить уровень образования, чтобы улучшить свое положение на рынке труда? И да, и нет. По данным репрезентативного опроса наиболее многочисленных категорий мигрантов [Ibid. S. 51–52], некоторые группы иностранцев, проживающих в Германии, слабо владеют немецким языком. Безусловно, без знания языка получить востребованное образование практически невозможно. Наиболее сложная в этом отношении категория – турецкие женщины от 35 до 64 лет: среди них 22 % плохо и 16,1 % очень плохо изыясняются на немецком языке, и только 16,6 % делают это очень хорошо, по оценкам немецких интервьюеров¹ [Ibid. S. 105]. Важно отметить то, что молодежь демонстрирует куда более высокий уровень владения языком, хотя и здесь турчанки вновь возглавляют список выходцев из прочих стран, но значения куда меньше, чем у старших: 4,7 % говорят очень плохо, 9,7 % – плохо [Ibid. S. 105–107].

Знание языка зависит от организации повседневной жизни. Язык должен быть востребован – им можно овладеть только тогда, когда он регулярно используется для решения самых разных задач, ниже этот вопрос рассмотрен подробнее в контексте повседневного поведения разных групп мигрантов. Важно отметить, что существенным ограничением для мигрантов может оказаться плохое владение языком страны, в которой они находятся, и это ограничение способно усиливать маргинальный статус мигранта, не позволяя ему обустроить свою жизнь в стране пребывания.

Помимо формального статуса, образование дает связи, знакомства и рекомендации, часто оказывающиеся более важными для последующей

¹ В рамках статистических опросов интервьюеры оценивают то, на каком уровне респонденты владеют немецким языком, дополняя и верифицируя таким образом самооценку интервьюируемых.

карьеры¹. Мигранты, не прошедшие через немецкую систему образования, имеют меньше возможностей для результативного поиска работы, остаются отрезанными от целого спектра каналов трудоустройства.

Почему же, несмотря на очевидные преимущества получения образования, мигранты отказываются от него? Если неполучение образования в Германии можно частично объяснить слабым владением языком (многие мигранты пользуются им вполне сносно², но образования все равно не имеют), то почему бы не получить его в стране своего происхождения? Вероятно, многие низкоквалифицированные мигранты ориентированы на иную модель трудовой карьеры – ту, что более характерна для менее индустриализированных обществ: они не готовы делать инвестиции в собственный человеческий капитал, хотят сразу получить возможность зарабатывать, поэтому стремятся к максимально быстрому выходу на рынок труда и непосредственной отдаче от своих усилий [Babka von Gostomski, 2010. S. 102].

Можно предположить, что именно набор норм, определенные установления, привычки, представления о том, как надо себя вести в жизненно важных ситуациях, могут определять отношение к таким ключевым элементам европейской социальной системы как образование. Подобное предположение заставляет нас более пристально рассмотреть, в каком социальном контексте живут мигранты.

Вместе, но врозь? Обособленность этнокультурных меньшинств как барьер интеграции

Общаются ли друг с другом немцы и живущие в Германии иностранцы или эти сообщества остаются изолированными? Наиболее закрытой является турецкая диаспора: повседневных контактов с немцами у ее представителей меньше всего. Наиболее активное взаимодействие с местным населением у большинства иностранцев происходят с соседями и коллегами по работе: каждодневно с ними общается около половины итальянцев, поляков, греков, выходцев из бывшей Югославии, и чуть более 1/3 турок, вне зависимости от пола [Babka von Gostomski, 2010. S. 157, 160]. С немецкими друзьями и знакомыми ежедневно контактируют чуть больше 1/4 турок и греков, 1/3 югославов, почти 40 % поляков и

¹ См. классический обзор теорий, описывающих влияние образования на вхождение в занятость [Rosenbaum et al., 1990].

² Свыше половины выходцев из других стран хорошо или очень хорошо говорят и читают на немецком языке, а также понимают этот язык на слух, хорошо пишут чуть меньше – примерно половина всей категории – см. указанную выше работу: [Babka von Gostomski, 2010. S. 108–109]. В целом достаточный для повседневной жизни уровень владения немецким языком у большинства иностранных граждан в Германии – свыше 80 % для всех категорий, а в ряде групп – свыше 90 % [Ibid. S. 246].

итальянцев. Наконец, члены семьи – немцы¹: каждый день с таковыми общаются половина поляков, около 1/4 греков и турок, около 1/4 итальянцев и югославов [Ibid. S. 157, 160]. Из приведенных данных видно, как сужаются круги повседневного общения для разных групп: даже взаимодействие с непосредственным окружением – соседями и коллегами – оказывается избирательным или ограниченным, что уж говорить о более близких людях – друзьях или членах семьи, которые отбираются более тщательно.

Данные о браках между немцами и иностранцами отчетливо демонстрируют не только различия между выходцами из разных стран, но и различия в поведении мужчин и женщин из каждой группы: свыше 1/3 итальянцев (36 %) женаты на немках, 19 % итальянок замужем за немцами; 56 % поляков замужем за немцами (26 % – за поляками), тогда как 27 % проживающих в Германии поляков женаты на немках, и 62 % – на польках, то есть польские женщины куда более открыты, по сравнению с мужчинами из своей страны и с любой другой группой, а из мужчин самыми открытыми являются итальянцы. Самые закрытые для внешних браков – гречанки (9,4 % замужем за немцами), за ними следуют турчанки (12,8 %) [Ibid. 182].

В целом браки между турками и немцами остаются редкими. Так, за почти 40 лет, с 1960 по 1997 годы, общее количество турок-мужчин, взявших в жены женщину с немецким гражданством, составило 58 250 человек [Sen, 2003. P. 219]. За тот же период 14 723 турецкие женщины вышли замуж за немцев: относительный рост числа подобных браков начался с конца 1980-х годов, когда их число за год впервые превысило 500, и уже в 1997 году было зарегистрировано свыше 1 000 браков [Ibid. P. 220]. Подобная положительная тенденция обращает на себя внимание, но если учесть, что трудовые мигранты из Турции массово проживают в Германии около 40 лет, и общая численность этого сообщества колеблется в пределах 2–2,5 млн человек, можно сделать вывод о том, что связи между ним и немцами достаточно ограничены, а само сообщество остается весьма закрытым².

У нас недостаточно данных для выявления причинно-следственных отношений, но известно, что именно среди проживающих в Германии турок средний доход ниже, чем у всех остальных категорий иностранцев: свыше 60 % имеют доход³ ниже 802 евро [Babka von Gostomski, 2010. S. 150], в

¹ См. ниже о различиях в браках между выходцами из разных групп и местным населением.

² На эту тему см. также подробную работу: [Naug, 2010].

³ Доход в цитируемой работе рассчитывался по следующей методике: месячный чистый доход домохозяйства делился на эквивалентный вес домохозяйства, под которым первый человек в домохозяйстве обозначался фактором 1, а каждый последующий – фактором 0,5 (<http://www.pisa.oecd.org>).

остальных группах к этой категории относятся примерно 40 % случаев. Самый высокий уровень длительно безработных также приходится на самые закрытые группы – безуспешно искали работу свыше 12 месяцев 40,5 % ту-рок и 35,6 % греков против 31–32 % у других групп [Ibid. S. 145]. Таким образом, наиболее закрытые группы демонстрируют наибольшие трудности в экономической адаптации.

Замкнутость социальной среды и жесткий контроль внутри нее не позволяют изменить привычные образцы поведения, освоить новые виды деятельности, лучше адаптироваться к жизни в другой стране и ограничивают возможности представителей данной среды. Согласно классической социологической теории [См.: Мид, 2009], поведение людей во многом определяется их стремлением отвечать ожиданиям окружающих. Устойчивые, воспроизводящиеся ожидания являются нормами поведения. Свои нормы существуют у каждой социальной группы, и каждый член группы, дорожающий своим членством в ней, стремится следовать нормам, зная, что в противном случае будет наказан – в зависимости от тяжести проступка и возможностей группы.

Политика интеграции по своей сути – попытка сближения социальных норм различных групп, поиск сбалансированных решений, обеспечивающих эффективное совместное проживание разных групп в едином пространстве. Закрытые сообщества часто означают для своих членов риск быть исключенными из общей социально-экономической жизни. Этот феномен можно описывать через сегментированную ассимиляцию [Portes, 1997; Zhou, 1997] или отделение, сегрегацию [Berry et al., 2002. P. 354], но главное, что в данном случае увеличивается вероятность недоиспользования потенциала мигрантов и их потомков, что в ситуации стареющих европейских обществ с развитой системой социальной защиты является непростительной роскошью. Понимание подобной ситуации привело к формированию специальных инициатив по интеграции этнокультурных меньшинств.

Политика интеграции в стадии становления: расширение образовательных возможностей

Основа политики интеграции – расширение поведенческого репертуара мигрантов, обеспечение их инструментами для более успешного вхождения в немецкое общество. Как показано выше, данные последних исследований позволяют предполагать, что среди выходцев из мигрантской среды может быть нехватка образцов для подражания: показать их, донести, сделав понятными и привлекательными – ключевая задача политики интеграции.

На федеральном уровне были приняты инициативы, призванные помочь недавно приехавшим в страну проще адаптироваться к жизни в ней.

С 2005 года обязательными для иммигрантов из стран – не членов ЕС является изучение немецкого языка (600 часов обязательных занятий), а также 30 часов вводных лекций, посвященных правовой системе, истории и культуре Германии [Germany, 2007. P. 6].

Активно обсуждаются возможности расширения полноценного доступа мигрантов к системе образования. Низкие результаты по тестам PISA¹ для первого и второго поколения детей мигрантов в Германии показали, сколь проблематичным для страны является низкий уровень интегрированности мигрантов. Именно эти данные во многом способствовали привлечению внимания к проблемам этнокультурных меньшинств и задали направление поиска их решений [Ibid. P. 1].

Например, изыскиваются возможности расширения дошкольной языковой подготовки (нехватка таковой считается основной причиной низких академических успехов детей из семей «с миграционным прошлым»), увеличения числа мест в детских садах, где дети из любых семей получают возможность общаться друг с другом и осваивать язык страны своего проживания на уровне, необходимом для дальнейшего обучения в школе. При этом нерешенными, правда, остаются вопросы нехватки мест в детских садах, а также качества и набора услуг, которые они предлагают, но важно, что возможное решение проблемы уже обозначено. Один из предлагаемых вариантов повышения образовательных шансов мигрантов – предоставление дополнительных занятий или переход на школу полного дня, который позволит детям проводить больше времени в немецкой языковой среде, даст им возможность освоить модели поведения, характерные для страны своего пребывания, завести больше друзей среди коренного населения [Ibid. 6].

В обществе обсуждается перспектива отказа от немецкой модели трех типов школ, в которой школьники разделяются по академической успеваемости, и которая, по мнению исследователей, приводит к сегрегации детей из этнических меньшинств. Они оказываются вынужденными выбирать наименее престижное направление обучения, где не видят для себя положительных примеров и вынуждены воспроизводить неудачный опыт интеграции своих родителей. Например, 23 % турок учатся в низшем типе средних учебных заведений, хотя только 10 % всех учащихся Германии выбирает этот тип образования. Для большинства приоритетным является высший тип средних учебных заведений (гимназия) – там учится 23 % всех школьников, но только 6 % турецких детей [Söhn, Özcan, 2006. P. 109]. Именно поэтому в двух землях – Шлезвиг-Гольштейне и Гамбурге – были приняты решения о трансформации существующей школьной системы. Предполагается, что это позволит сократить социальную и академическую

¹ Программа международной оценки школьников, проводимая Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) – <http://www.pisa.oecd.org>.

сегрегацию в школах и повысит шансы на полноценную интеграцию для детей мигрантов [Germany, 2007. P. 7].

Иными словами, предпринимаются меры, призванные помочь въезжающим мигрантам овладеть немецким языком, чтобы облегчить последующую интеграцию. Кроме того, специальные усилия направлены на детей дошкольного и младшего школьного возраста. Действительно, отрицательный опыт и маргинальный статус родителей способны сильно повлиять на устремления детей¹. Дети потенциально более открыты для изменений, легче меняют свое поведение и привычки, и именно они во многом определяют будущее значительной части немецкого общества.

Общие региональные и федеральные инициативы

Федеративная система управления означает разделение сферы ответственности и дополнительные возможности для разработки и реализации политики интеграции на местном уровне. Такого рода инициативы на уровне города или отдельной земли существовали еще до принятия Национального плана интеграции в 2007 году (о плане – см. выше).

Так, в 2001 году в Штутгарте, где традиционно высока доля лиц с миграционным прошлым, была разработана собственная концепция интеграции мигрантов (ее внедрение начато в 2002 году) [Ein Bündnis für Integration, 2002]. Специальный документ «Пакт содействия интеграции» включает в себя рекомендации и предложения академического сообщества [Integration policy, 2008. P. 5]. Декларированы следующие цели: обеспечение равенства возможностей для людей различных национальностей, использование культурного разнообразия для расширения личностных и профессиональных компетенций всех горожан, продвижение мирного сосуществования среди всех групп населения. Для города, где четверть населения (23,7 % в 2005 году) мигранты, где много «некоренной» молодежи – их доля в 2005 году в возрастной категории до 30 лет включительно составляла 27,6 % [Ibid. P. 2], задача более активного использования потенциала этой категории граждан очевидна.

Направления деятельности, предусмотренные для достижения данных целей, были определены комплексно, и включали в себя не только помощь в освоении языка – как для вновь прибывших, так и для давно живущих в городе мигрантов, а также для их детей на ранних этапах образования, но и безопасность, и меры по связям с общественностью. Помимо структурных задач, традиционно относимых к интеграционной политике, данный проект затрагивает также вопросы культурного и межрелигиозного взаимодействия, а также политическую жизнь мигрантов. Это сильно

¹ См., например, блестящее исследование на эту тему: [MacLeod, 1987].

отличает инициативу Штутгарта от многих, последовавших за ней и за принятым на федеральном уровне Национальным планом интеграции.

Вероятно, ориентация на узкий список задач является неизбежным шагом на пути дальнейшего развития многоэтнического немецкого общества, тогда как широкая инициатива, как в примере Штутгарта, задает возможные дальнейшие направления для развития всем тем, для кого задача интеграции является приоритетной. Недаром Штутгарт выступил с инициативой формирования европейской сети городов «Города за местные интеграционные политики для мигрантов» (Cities for local Integration Policy) – работа этой сети направлена на выявление лучших практик и выработку рекомендаций по развитию политики интеграции мигрантов [Integration policy, 2008. P. 5].

Все региональные программы интеграции сходятся по ряду ключевых моментов: признается необходимость учета региональной специфики, подчеркивается важность языка и образования, включенность в рынок труда или организация собственного бизнеса рассматриваются как основные условия интеграции. К этим действиям, ориентированным на социальную структуру – усилия по интеграции в сфере образования и выравнивание шансов на рынке труда, – добавляется культурный компонент: желание раскрыть потенциал культурного разнообразия [Ibid. P. 6].

На федеральном уровне реализуются многочисленные весьма разнообразные проекты¹. Ведущая роль тут принадлежит Федеральному ведомству по вопросам миграции и беженцев – среди многих проводимых им мероприятий особого внимания заслуживает поддержка разнообразных инициативных проектов, осуществляемая в рамках ведомственных программ. В качестве целевой аудитории определены мигранты – подростки и взрослые, – прибывшие в страну с намерением остаться в ней на продолжительный срок. Цели подобной работы либо привязаны к основным моментам интеграции – усиление компетенций мигрантов, улучшение взаимного принятия между ними и местным населением, – либо ориентированы на создание структурных условий для успешной интеграции: обеспечение возможностей равноправного участия мигрантов в общественной и политической жизни, поддержка вовлеченности организаций мигрантов в работу по интеграции на местном уровне, повышение профессионализма организаций мигрантов, определение образцовых проектов, которые могут быть использованы в качестве примера для других [Projektjahrbuch... 2009. S. 9–10].

¹ См., например, описание проектов, поддерживаемых Федеральным ведомством по вопросам миграции и беженцев: [Projektjahrbuch... 2009], а также специальный Интернет-ресурс www.integration-in-deutschland.de.

Сами проекты структурированы по конкретным тематическим направлениям, ориентированным на развитие потенциала их адресатов и предотвращение их асоциального поведения (алкоголизма, наркомании, насилия, преступности). В качестве площадки для усилий по интеграции используются гражданская активность, досуг, ранее сформированные знания и навыки, оказывается поддержка по развитию воспитательских компетенций родителей [Ibid. S. 10].

Федеральное ведомство по вопросам миграции и беженцев выбирает наиболее интересные проекты и рассказывает о них более подробно – это поддерживает и стимулирует успешных организаторов, а также дает ориентиры для всех потенциально заинтересованных сторон, которые могут узнать, что ценится и поощряется, что обеспечивает наибольший эффект. Для ежегодного отбора лучших проектов в области интеграции используются не только управленческие критерии (достижение поставленных целей, инновационность, качество и устойчивость результатов), но и потенциал их общественного воздействия: оценивается, в какой мере предусмотрены совместная работа различных заинтересованных сторон, формирование связей между ними, публичность мероприятий [Ibid. S. 12].

Важно отметить, что активный анализ сопровождает интеграционные проекты все время – от выяснения потребностей групп мигрантов, изучения особенностей их поведения и выявления реальных сложностей интеграции, частично рассмотренных выше, до анализа хода конкретных интеграционных проектов, поощрения наиболее эффективных из них.

Выполнение программ интеграции контролируется с помощью развитой системы мониторинга – отчетность формируется как на региональном уровне, где, как правило, реализуются основные меры по интеграции, так и на федеральном уровне – Федеральным ведомством по вопросам миграции и беженцев. В качестве источников данных используются, как правило, микропереписи, а также официальная статистика. Число рассматриваемых показателей весьма велико: около двадцати, хотя доходит и до сотни [Integration... 2010. P. 4]. Мониторинги включают показатели по разным направлениям изменения положения мигрантов, но всегда представлены данные о работе системы образования и о рынке труда. Часто можно найти информацию о жилищных условиях, состоянии здоровья мигрантов.

Подобная информация позволяет точнее определять приоритеты интеграционной политики, оценивать ход ее реализации, отслеживать изменения и корректировать, в случае необходимости, не только конкретные действия, но и целые направления работы. Без подобного исследовательского и аналитического сопровождения описанные общие рамки проблем и планов рискуют остаться лишь декларациями о намерениях –

очень важно наполнить их реальным содержанием, проследить выполнение намеченных задач и сделать информацию о проводимой работе легко доступной для всех заинтересованных сторон.

* * *

Относительно обособленные этнокультурные группы, часто мало похожие по своим образовательным и трудовым карьерам на коренных жителей, стали заметным явлением немецкой социальной жизни. Активно разрабатываемая в настоящее время на разных уровнях управления в Германии политика интеграции мигрантов представляет собой интересный опыт, который может быть использован и при формировании российской стратегии работы с этнокультурными меньшинствами. Важным исходным вопросом при этом является таковой: что именно представляет собой проблему – сам факт миграции, то есть перемещений населения, иная культура мигрантов, например, отличные от местного населения традиции, или принадлежность мигрантов к определенным социальным группам – низкоквалифицированным, малообразованным.

В немецком опыте акцент сделан на предоставлении всем мигрантам базовых возможностей для интеграции, которое поставит некоренных граждан в сопоставимое с местным населением положение и снизит взаимную напряженность. Предполагается то, что знание языка позволит мигрантам использовать потенциал системы образования, что, в свою очередь, обеспечит их конкурентоспособность на рынке труда, где они смогут претендовать на более широкий спектр рабочих мест. Достижимость выбранных целей относительно легко учитывать с помощью прямых и косвенных показателей, что облегчает задачу оценки общей эффективности применяемых мер.

Вместе с тем уровень владения языком, выбранная ступень образования и умение найти работу сообразно имеющейся квалификации часто отражают более сложные системы социальных норм и представлений, сложившихся среди разных групп некоренного населения. Дефицит образцов для подражания в достаточно закрытых группах мигрантов обрекает их членов на пребывание в своеобразном гетто, где все ведут себя похожим образом, сохраняя слабую связь с внешним миром. Не понимая смысла изучения языка, они лишаются шансов на полноценное образование, что не позволяет им найти подходящую работу. Но воспользоваться возможностями системы образования можно только понимая смысл повышения собственной квалификации – если в ближайшем окружении отсутствует такое понимание, то самостоятельно прийти к нему, без поддержки извне, будет сложно даже самому одаренному выходцу из мигрантской среды.

Способны ли применяемые меры повлиять на более глубокие причины социальной дезинтеграции – наличие закрытых сообществ

мигрантов, структурно и нормативно отличающихся от коренного населения? Пока официально не так много внимания уделяется работе с самими группами мигрантов, с той системой норм и поведенческими практиками, что в них сложились и во многом определяют повседневную жизнь и устремления некоренных граждан Германии. Работа в этом направлении сложна и нетривиальна и может оказаться наиболее перспективной в долгосрочном плане. При этом данное направление является наиболее сложным в разработке и реализации, и его прямое заимствование как в других регионах, так и за пределами Германии, может оказаться сложным, если не невозможным из-за необходимости учитывать многочисленные особенности местной ситуации, под которую предлагаются конкретные инициативы.

Проделанный анализ конкретных мер политики интеграции обращает внимание на ряд моментов. Это, во-первых, работа на региональном и местном уровнях имеет больше шансов быть успешной – возможность «сшить костюм по мерке», учесть местные реалии, быть ближе к окончательным получателям помощи позволяет более точно, предметно, адресно разработать нестандартные и действенные меры решения конкретных вопросов.

Во-вторых, – участие представителей гражданского общества, широкое вовлечение общественности позволяет преодолеть маргинальный статус проблемы – если ее решением занимаются и мигранты, и местные граждане, работая сообща, то они оказываются в состоянии лучше узнать и принять друг друга, решая таким образом основную задачу программ интеграции. Для мигрантов станет понятен смысл изучения языка, будет мотивировано его использование в повседневной жизни – язык становится средством общения, а не пассивным и невостребованным знанием. Коренные жители поймут, что мигранты могут и умеют учиться и работать – важно помочь им создать условия для плодотворной деятельности. Совместная работа может быть инструментом формирования новых норм и образцов поведения – если дети из семей мигрантов видят перед собой положительные примеры для подражания, иные модели организации жизни, то могут начать ставить для себя более амбициозные цели в образовании и карьере.

В третьих, – конкретное содержание программ, их адресность – специфичность их мероприятий и аудиторий – предпосылки эффективности программы. Только при соблюдении этих условий можно говорить о политике интеграции, и только по прошествии достаточного времени можно говорить о том, насколько напрасными или, напротив, полезными были усилия, затраченные на интеграцию мигрантов.

В четвертых, – регулярное комплексное отслеживание результатов работ по интеграции, их оценка и, при необходимости, корректи-

ровка хода реализации необходимы для последовательных и эффективных изменений.

Очевидно, что прямое заимствование немецких подходов в России вряд ли возможно из-за различий в структуре образования, экономике, схемах занятости мигрантов. Тем не менее знакомство с имеющимися решениями, развернутое представление о конкретных инструментах, обосновании их выбора важны для развития российской интеграционной политики.

Список литературы

Мид Дж. Г. Избранное: Сб. переводов. М.: ИНИОН РАН, 2009.

Babka von Gostomski Ch. Fortschritte der Integration. Zur Situation der fünf größten in Deutschland lebenden Ausländergruppen. Im Auftrag des Bundesministeriums des Innern. Nürnberg: Bundesamt für Migration und Flüchtlinge, 2010.

Bauer T., Zimmermann K.F. Unemployment and the wage of ethnic Germans // *Quarterly Review of Economics and Finance*. Vol. 37. Suppl. 1. 1997. P. 361–377.

Berry J., Poortinga Y., Segall M., Dasen P. Cross-Cultural Psychology: Research and Applications. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002.

Der Einfluss von Zuwanderung auf die deutsche Gesellschaft. Deutscher Beitrag zur Pilotforschungsstudie “The Impact of Immigration on Europe’s Societies” im Rahmen des Europäischen Migrationsnetzwerks. Nürnberg: Bundesamt für Migration und Flüchtlinge, 2005.

Dietz B. German and Jewish migration from the former Soviet Union to Germany: background, trends and implications // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 26. № 4. 2000. P. 635–652.

Ein Bündnis für Integration. Grundlagen einer Integrationspolitik in der Landeshauptstadt Stuttgart. Staatsabteilung für Integrationspolitik, 2002.

Germany. Country Profile // *Focus Migration*. 2007. № 1.

Greif S., Gediga G., Janikowski A. Erwerbslosigkeit und beruflicher Abstieg von Aussiedlerinnen und Aussiedlern // *Aussiedler: deutsche Einwanderer aus Osteuropa* / K. J. Bade, J. Oltmer (eds). Osnabrück: Rasch, 1999. S. 81–106.

Integration in plain figures? Approaches to integration monitoring in Germany // *Focus Migration*. 2010. № 16.

Integration policy at a regional level in Germany // *Focus Migration*. № 10. 2008.

Haug S. Interethnische Kontakte, Freundschaften, Partnerschaften und Ehen von Migranten in Deutschland // *Working paper 33*. Nürnberg: Bundesamt für Migration und Flüchtlinge, 2010.

Integration policy at a regional level in Germany // *Focus Migration*. № 10. 2008.

MacLeod J. Ain’t No Makin’ It: Leveled Aspirations in a Low-Income Neighborhood. Westview Press, 1987.

- Portes A.* Immigration theory for a new century: some problems and opportunities // *International Migration Review*. 1997. Vol. 31. № 4. P. 799–825.
- Projektjahrbuch* 2009. Potenziale nutzen – Integration fördern. Bundesamt für Migration und Flüchtlinge, 2009.
- Rosenbaum J. E., Kariya T., Settersten R., Maier T.* Market and Network Theories of the Transition from High School to Work: Their Application to Industrialized Societies // *Annual Review of Sociology*. 1990. Vol. 16. P. 263–299.
- Schimany P.* Migration und demographischer Wandel. Nürnberg: Bundesamt für Migration und Flüchtlinge, 2008.
- Schoeps J., Jasper W., Vogt B.* Ein neues Judentum in Deutschland. Fremd- und Eigenbilder der russisch-jüdischen Einwanderer. Potsdam: Verlag für Berlin-Brandenburg, 1999.
- Sen F.* The Historical Situation of Turkish Migrants in Germany // *Immigrants & Minorities*. 2003. Vol. 22. № 2&3. P. 208–227.
- Söhn J., Özcan V.* The Educational Attainment of Turkish Migrants in Germany // *Turkish Studies*. 2006. Vol. 7. № 1. P. 101–124.
- Statistisches Bundesamt.* Leben in Deutschland. Haushalte, Familien und Gesundheit – Ergebnisse des Mikrozensus 2005. Wiesbaden, 2006.
- Zhou M.* Segmented assimilation: issues, controversies, and recent research on the new second generation // *International Migration Review*. 1997. Vol. 31. № 4. P. 975–1008.

Светлана Викторовна Творогова

канд. социол. наук, доцент кафедры социально-экономических систем и
социальной политики НИУ – Высшая школа экономики
электронная почта: svetlana.tvorogova@gmail.com
